Андрей Сутоцкий

ХОРОВОДЫ ХОРСА

КНИГА СТИХОВ

Андрей Михайлович Сутоцкий
Хороводы Хорса. Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64961607
ISBN 9785005347763

Аннотация

В смешении жанров, времён и настроений автор пишет свой поэтический мир, пытаясь отделить его от всего наносного, рутинного, от всего несовершенного и бесполезного. Им овладевают чувства глубокого переживания и сознательного поиска утраченных и не воспринимаемых многими ценностей. Поэт находит их в далёком ведическом прошлом древней Руси, в гротеске настоящего времени, в полной свободе выбора тем, предпочтений и устремлений. Такова палитра поэтического творчества Андрея Сутоцкого.

Содержание

СТИХОТВОРЕНИЯ 8
ПОВТОРЯЯСЬ И ИСЧЕЗАЯ 8
ЛЮДИ-МЫШИ 10
ХОРОВОДЫ ХОРСА 12
ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ 14
ГОРИЛЛА ЧИТА 16
КАПИТАН ЦЕПА 19
ПО КРУПИЦАМ… 22
ВАЛЬС НА ВЫПУСКНОЙ 25
УРФИН ДЖЮС 27
ТАНЕЦ НА ОСИ 29
ЧЕРЕПАХА, ТИГР И СОСНА 31
КУ′УСАМО. СЕНТЯБРЬ 34
СТОКГОЛЬМ. СТАРЫЙ ГОРОД 36
ДИФИРАМБ ВЕЛИЧАЙШЕМУ ПЛУТУ 39
ШТОРА 42
В КОНЦЕ ИСТОРИИ МИРОВ 44
В ОТСТРАНЁННОМ ОЖИДАНИИ 46
ИЗ ПИТЕРСКОЙ ТЕТРАДИ 47
ОГОНЬ РЯБИН 49
БЕССЛАВНЫЙ МЕЧ БАГЕТА* 50
ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС 51
ШТУРМ 53

ПАМЯТИ РИЧИ 55
С ПРИЗНАНИЕМ В ЛЮБВИ 57
ИЗ КОЧЕГАРКИ
В ПЕТЛЕ БЕЗВОЛИЯ 59
…ЗА КРАСОЙ НЕДОСЯГАЕМОЙ 61
СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ И ХВОЙНЫЕ ЛАПЫ 63
ВАТИКАН 65
ОСЕННИЙ МАДРИГАЛ №13 68
НЕ ВЕРЯ В СМЕРТЬ 70
НАЛОГ НА ПРАВО ЖИТЬ 71
МОЙ ОТВЕТ ДРАМАТУРГАМ ТЕРАКТОВ 73
РОМАНС О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ 76
СТУДЕНЧЕСКОЕ НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ 78
ГИТАРКА 80
ФАЛЬСТАФИЯ 82
НА ВЗЛЁТЕ В НЕИЗВЕСТНОЕ… 84
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Хороводы Хорса
Книга стихов

Андрей Михайлович Сутоцкий

с любовью к русскому народу

© Андрей Михайлович Сутоцкий, 2021

ISBN 978-5-0053-4776-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОВТОРЯЯСЬ И ИСЧЕЗАЯ

У голодной волчицы-природы
Я искал потаённого смысла,
Человеческой глупости против,
Да в итоге лишь грязью умылся.
Мне хватило за жизнь вариаций,
От которых набито оскомин…
Я хотел, было, в этом признаться,
Да наполнился дух мой тоскою.
И куда ни пойду, ни поеду —
Всюду те же слова и ошибки.
Ах вы, беды, извечные беды,
Что ж вы так раскачались-то шибко!
Не года, а веков вереницы —
Всё без пользы, в могильную яму!
То лукавый хозяин резвится,
Не сдаваясь пред богом, упрямый.
Так чего же таишь ты, природа,
Усомнившаяся в человеке?
Помоги не остаться уродом,
Преуспевшим духовным калекой!
Посмотри на дрожащие руки

Опахальщиков гибнущих наций…
Не они ли тебя, да на муки,
Божьей кары боясь испугаться?
Отстранившись, стоишь ты нагая,
Продолжая делить с нами Небо,
Продолжая, но не подпуская…
Даже тех, кто вернуться хотел бы…
Так и будет вопрос без ответа
Стылым ветром носиться в пространстве,
Пока смерть не придёт незаметно
И своей не прощёлкает пастью.

ЛЮДИ-МЫШИ

Спасая шкурки, люди-мыши
Скребутся по′д пол, еле дышат,
Лишь писк да точка коготков:
Забился в щель – и был таков.
Тесны мышиные владенья…
…и тщетно всё ищу людей я,
Но – с фонарём не разглядишь
В них человеческое… Мышь!
Под каждой маской эта морда.
Растёт усатая когорта,
Напоминающая крыс.
Неважно, кто из них прогрыз
Обманный ход в просторы наши.
Теперь уже и мы туда же
Стремимся, жалкие, попасть
И в тесном мире их пропасть,
В момент забыв, кем раньше были.
В два счёта мир заполонили
Они – клонируемый класс,
Так ненавидящие нас
За добрый нрав и непохожесть,
За то, что нашу с вами кожу
Не покрывает серый мех
И за Любовь, что выше всех
Неосновных приобретений.

Как страшно стать однажды тенью,
Приговорив себя на смерть!
Как стыдно – воли не иметь
В угоду серым дирижёрам,
Всепоглощающим обжорам!..
Огня панически боясь,
Вновь обживают мыши грязь,
Заполучив своё «немного»;
Всё копошатся у порога,
Чтоб как-нибудь в один из дней
Дозаражать собой людей.

ХОРОВОДЫ ХОРСА

В тишине предвечерней поры,
Когда Солнце уходит в дубравы,
По реке расцветают костры
Ради Неба, зовущего к Правде.

…и польются с холмов голоса
Исполать возносить, очищаться,
В языках огневых к Небесам
Звонкой песней души обращаться!..
Ой ли будет веселье всю ночь,
Хороводами Мару пугая,
Одеяньями белыми дочь
Чернобожью по полю гоняя!..
Ой ли Радость забрезжит во тьме
Над веночками дев яснооких!..

«Скинь личину, подлючий злодей!..»
…золотистый сияющий локон
Хлёстко бьёт, обжигая ладонь
Опьянённого смертью Урода…
«Не словить тебе Свет!.. Только тронь —
И каменьем отправишься в воду!..»
А над кронами древних дубов —
Птицы сирины всё да нагайи,
Соблазнённые тёмным умом,

Не сдаются, крыла обжигая…

…разбежаться и взмыть над костром,
Сбросив тело, как ящерка шкурку,
Без оглядки расставшись со злом,
И не думать, не звать, не аукать!..
Отрешиться, забыться, восстать,
Зародить, ощутить в себе Солнце,
Другом Хорса гривастого стать,
На лодейке взлетев из олонца,
Доверяясь рассветным лучам,
В хороводы входя, в коловраты!..
……..

…но дубравы тревожно молчат…
Дотлевают угли на утрату…

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

Сопровождая музыку скольжением,
Плетя узоры синие на льду,
Вы – ангелы синхронного движения,
Рождающие чувства на лету.
Я вам дарю свои рукоплескания
И не сужу подбором чёрных цифр
Дуэт фигур, что (в объективе камеры)
Несут на взлёт полозья и зубцы.
А где-то здесь ведутся споры бурные
За чистоту изрезанного льда…
…а где-то там, блистая, над трибунами,
Кричат-орут за первые места…
…и, увлекаясь до освобождения,
Играя жизнь изящных, гибких форм,
Почти на грани жуткого падения —
Признание в любви. И это спорт?..
…округлые, волнующие линии,
Значения сплетающихся рук…
То птицы, что кружа над исполинами,
Из заточенья выпорхнули вдруг.
…под музыку к картине из Феллини и
Фамилиями звёзд окружены,
Парите вы в сиренево-малиновом
И, кажется, друг в друга влюблены…
В уверенности мягкого скольжения

Всё та же выразительная суть,
Когда, творя, выходишь на сближение
И, в сущности, уже не обмануть…
Заворожён, смотрю и вижу ангелов,
Едва-едва касающихся льда…
Ну как, скажи, постигнуть эту магию?..
Что тайна здесь?.. Замёрзшая вода?..
Высокий бал?.. Талант?.. А может, музыка?..
Особый шарм решений и метод?..

– Не понял, эй, вы что такие грустные?..
Болей за вас тут, черти, каждый год…

ГОРИЛЛА ЧИТА

В далёком голландском городе,
В семье пожилых людей,
Горилла любовью вскормлена
Живёт уже тысячу дней.
Нередко в окне отрытом
Их видно издалека:
Гориллу по кличке Чита,
Старуху и старика.
Счастливей людей, чем эти —
Навряд ли увидишь где:
Прекрасные старые дети.
Чего же ещё хотеть?
Каких преизбытков, кстати,
Да выдуманных заслуг,
Когда так легко в обхвате
Могучих звериных рук?,
Когда вне границ и клеток,
Друг другу глядя в глаза,
Садятся они обедать,
Эстетствуя, так сказать?
А после – читают книги…
Читает и Чита их
И всё норовит постигнуть
Какого-то Чайтаньи′….
А может, учиться надобно

Нам всем у зверей? Тогда
Бессмертие будет найдено…
…и формула так проста.
О, как же малы пред гориллою
Две старенькие судьбы!..
В движениях неторопливые,
В полследа её стопы,
Шагают они по городу
Прямёхонько в зоопарк,
Где звери с покорными мордами,
Забыв про былой запал,
Живут через силу, слабые,
Беспомощны и больны,
Всё пробуя клетки лапами,
Насилию отданы.
А люди, прельщаясь внешностью,
Не видя звериных душ,
В соблазнах с пелён изнеженны,
Кривляются на виду…
Немало у Читы товарищей здесь…
Она и сама не прочь
К своим несчастливчикам перелезть,
Чтоб чем-нибудь, да помочь.
А к ночи она, отходя ко сну,
Нырнув с головой под плед,
Всё хочет понять, уловить, в чём суть…
Но в комнате гасят свет
И… тихо ложатся к ней под бочок
Хозяева. Утомлены.

Вот если бы Чите понять о чём
В ночи говорят они.

КАПИТАН ЦЕПА
(со слов одного моего знакомого)

Нельзя капитану Це′пе
Трусливо внушать, что ты
Упорно не видишь цели:
Ему это до звезды.
Бывало, построив роту,
Уйдёт отхлебнуть чайку,
А ты, как скелет-задрота,
Часами жуёшь тоску.
А помню, как за базары,
С прогибом, в соплях, на «вы»,
Он щедро провёл удары
По «цяйнику» из Тувы.
Любил он нас шибко мучить
И спрашивать наобум…
К примеру: «Ґде спиться лучше?..
В постели али ґробу?..»
С ответом не стоит медлить,
Коль хочешь ещё дышать.
Иль золото станет медью,
А звонким плевком – душа.
Война для него, чеченца,
Не может сойти на мир.
«И чё?.. Не успел одеться?..

Тады на полдня в сартир…»
О, сколько ночей, не помню,
Он с рёвом врывался к нам:
«Еб… нычи!!!.. Рота к бою!!!..»…
Как будто и впрямь война.
Его бы, крутого парня,
На съёмки, в боевики,
С Джун Фэном, иль с кем на пару,
Чтоб так же кому с ноги…
Да здесь он, видать, нужнее, —
Солдатскому духу друг.
…и нету его нежнее
Армейских чинов вокруг.
Так пусть он, паяц, играет
Пред нами всю ту же роль…
Ценю я его, самурая,
Готовый под плеть, сквозь строй…
Да хоть бы с ноги в «пятак» мне
Иль на хер послал… Сойдёт!..
Солдатская жизнь, однако,
Не мёд, а гранатомёт…
За нас он, щенков – горою:
И сам из котла хлебал,
Прилично ловя порою
От тех, кто отвоева′л.
Казалось, убьёт, детина,
Когда я задел стекло,
Что будто бы гильотину,
Летёхам тащил, назло…

Но, бляха!.. – судьба разбиться
Стеклу тому, знать, была…
Да лучше бы застрелиться,
К чертям этот мир послать,
Чем слушать, глаза потупив,
Борясь со своим стыдом
И видеть полоски-губы,
Не думая, что потом…
Но всё обошлось, спасибо…
Все органы чувств – при мне.
Знать, хрупкое мне не по силам
(мурашки бегут по спине).
«Гражданка» легла порошей
На гравий армейских тяг.
Но мне вспоминать не тошно
Про то, да и не в напряг.
И всё капитана Цепы
Мне слышится хриплый рёв:
«Жуки-само…бы, цепью!..
Да так, чтобы ноги в кровь!..»

ПО КРУПИЦАМ…
(*в подражании восточной поэзии*)

***

Ветер едва ощутим,
Как дыханье уснувшей любимой.
Журавль расправляет крылья.

***

Солнце белее белой ромашки.
Пробуждение младенца.

***

Старая липа дождалась ветра,
Но… не взлетела: глубоки корни…
Родина.

***

Образы не дают уснуть.
Дождь размыл цвета и сомкнул ресницы.
Образы явились во сне.
Безысходность.

***

Целый день квакают лягушки.
Сомкни уста и послушай.

Всему своё время.

***

Кот думает о смерти,
Урча под тёплой ладонью жизни.

***

Горячий серый камень
Согрел замёрзшего мотылька
И… остыл.
Содержание выше формы.

***

Пришли затяжные дожди,
И земля превратилась в грязь.
Найдёшь ли в грязи цветы,
Что сами уж стали грязью?

***

Туман над водой.
Озеру снятся сны.
Хочешь пойти окунуться
И не нарушить покоя? —
Стань водой.

***

Золото освещается Солнцем.
Нет Солнца – нет золота…
Пойди, подчини себе Солнце… —

Сгоришь.

***

Под ногами сохнет земля,
Воздух насыщен огнём:
Совесть изобличила доброту.

ВАЛЬС НА ВЫПУСКНОЙ

В зал ворвался ветер.
Приподнялись шторы.
Вальс танцуют дети
Самой средней школы.
Только я не верю
В эту середину
И за дуновеньем
Следую мотиву
Дядюшки Шопена,
Ноткам-бриллиантам:
К «форте» – постепенно
И обратно к «пиано».
Шоркая ногами,
Кружатся ребятки,
Но не упускают,
Чтоб носком по пятке…
Милые улыбки
На румяных лицах.
Либо мальчик, либо…
Как тут не влюбиться!
Взрослостью объяты,
Точно подража́я,
Кружатся ребята,
Танец продолжая.
Выхожу на коду,

Затаив дыханье:
Клавиши, аккорды,
Лёгкое касанье…
Замер ветер в зале.
Опустились шторы.
Вальс по расписанью —
С выходом
из школы.

УРФИН ДЖЮС

Труби, труба!, гори восток пожаром!,
Колючий норд, срывай с древка кумач!,
Пока златой холодный шар державы
Спокойно держит медленный палач!
Поля взрывает грохот барабанов!..
Тряпицам птиц нет места на ветру!..
Чеканят шаг послушные болваны,
Идя войной на Город-Изумруд!
Указкой – перст великого стратега.
Вчерашний мастер кукол – грозный вождь.
Провидицей Гингемой, в кои веки,
Ему дан ключ на хитрость и на ложь.
Зелёный плащ свисает с паланкина.
Под полем шляпы – мертвенная лють.
Теснят его не стены ли могилы,
Что он решил живое обмануть?
И Лан Пирот, услуживая сволочь,
Кричит в надрыв: «Живее!.. Шире шаг!..»
А в Изумрудном… на пороге – полночь
И с миром звёзд общается душа…
Там сладко спит Соломенный Правитель
И не скрипит Железный Дровосек…
«Но вы – не спите!.. Слышите, не спите!..
Спешит к вам Элли вместе с дядей Блэк».
И мудрый Гудвин снова будет править

Во благо всем живущим по Любви…
Проснитесь, братья! Что ж вы спите, право,
На троне Фиолетовой страны?!
Всё ближе гул и грохот барабанов.
Дороги лестниц подняты к стенам.
И… тьмою – даль, зловещая, слепая,
Где в бурых тучах плавится луна.
Свершится чудо! Действенная помощь
К ним подоспеет вовремя и в срок!
Но бьют часы… тревожно и знакомо,
Впуская мрак на каменный порог.
Большого Мира маленькая Элли
(искра во тьме, пусть мизерный, но – свет…),
За сто страниц в любовь твою я верю!..
Но вдруг обманет сказочный сюжет,
И тот, кого мы, в сущности, разбили,
Опять спасёт гигант-орёл Карфакс?
Что плачешь, Линг, среди манежной пыли,
Коль су′хи слёзы выдуманных плакс?

ТАНЕЦ НА ОСИ

Разбуженная сжатием пружины,
В расправленных железных лепестках,
Изящным фуэте минутной жизни
Она кружит, стремительно легка
И так воздушна, стоя на пуантах,
Что вряд ли скажешь – «танец на оси».
И рукоплещут кукольные франты
На весь огромный детский магазин.

– Да-а-а… «Пор-де-бра» и «рон-де-жан»… Фигура
Предельно безупречна… Монплезир…
– Но что вы, друг!.. – китайская халтура… —
Невозмутимо вымолвил кассир…
А танцовщица, маленькая фея,
Слегка фосфоресцируя, уже
Живёт свои последние мгновенья
В блестяще-грациозном «аллонже».
И хочется ей прыгнуть, оторваться,
Прервать сиюминутной жизни плен
И менестрелю страстному признаться
В немыслимом прыжке – «шанжман де пье»,
Что жизнь её зависит от пружины,
Что в танце на оси – свободы нет…
Ах, что тянуть без пользы сухожилья,
Вокруг оси вращая свой балет.

Захлопнулся цветок с металлоскрипом,
Сомкнув над баядеркой лепестки,
То ль на антракт, а то ли на погибель…
…….
Игрушечный мирок живой тоски.

ЧЕРЕПАХА, ТИГР И СОСНА
(китайская сказка)

Друзьями были тигр и черепаха
До «не разлей вода», и всякий раз,
Когда сердца покорствовали страху,
Они пускались то′тчас, без подсказ,
К друг другу в гости. Путь был не из лёгких:
С крутой горы сходил по-царски тигр,
А черепаха – долго, очень долго
Ползла наверх, чтоб свидеться в пути
С любезным другом. Вот. И у дороги
Они встречали старую сосну,
Где отдохнуть случалось им в тревоге,
К корявому стволу её прильнув.
Сказать по правде: завистью пылало
То дерево к друзьям за то, что те
Крепили дружбу. И… пора настала
Свершиться злу, оставив их в беде.
И вот однажды, чуть заметив тигра,
Когда спускался тот с высоких круч,
Сосна сказала: «Тигр, подойди-ка
Ко мне, мой братец, славен и могуч…
Слыхала я, что будто черепаха
Исподтишка смеётся над тобой
И то, что в гости ходит не со страху,

А из тщеславных помыслов. Слепой!»
Взбесился тигр, хвостом хлестнув, как плетью
И зарычав, отправился назад…
Прошла зима и, не дождавшись лета,
В тоске по другу, прямо в небеса,
Как будто бы, полезла черепаха
И… не прошло полмесяца трудов,
Как встретилась с сосной, а та с размаху
И выдала: «А знаешь ли ты, что
Дружок твой, тигр, терпеть тебя не может!
Уродом кличет, дурой костяной!»
«Да разве мы, о, Шан-ди, с ней похожи?!..» —
С высоких круч ревёт он, сам не свой».
Оцепенела горе-черепаха
От этих слов, уйдя в печаль-тоску,
И покатилась… Как же тут не ахнуть,
Когда глядишь всю жизнь в глаза врагу
И видишь в них единственного друга?!..
И тигр взбешён: в груди вскипает месть…
Он мчится вниз, чтоб преподнесть науку
Ничтожеству, от злости вздыбив шерсть.
И вот уж бьются, бывшие друзьями…
Сочится кровь… Удар, ещё удар…
Знать, никогда не встретятся сердцами
Два крепких друга… Это ль не беда?!..
И так погибли оба, без возврата…
И кто всплакнёт по жалким двум телам,
Скатившимся с Небес в цветок заката,
Не видя корня вспыхнувшего зла?

Довольно, хватит мясо дармовое
Терзать орлам, коль люди голодны!..
И на костёр отправлен был пилою
Корявый ствол завистливой сосны.

КУ′УСАМО. СЕНТЯБРЬ

Устали маяться, бродя по гипермаркетам,
Свернули улицей за медленным дождём
И растворились в Скандинавии… А как это
Произошло у нас? – не думал я о том.
Сгущался сумрак и казались великанами,
Под кистью осени, с муля′жами палитр,
Природы девственной премудрые викарии,
Непостоянные в красе своей на вид.
Ведь только осенью, открыв природу времени,
Увидев ткань её и бег её волны,
Способны вновь объединить себя со всеми мы
И жизнь прочувствовать свою до глубины.
Средь этой северной, чуть серой геометрии,
С опрятным обликом, запретным и своим,
Я замечал, что всё вокруг слегка замедленно,
И это таинство – в подарок нам двоим.
В кафешке старенькой – всё речи незнакомые;
Шероховат её уют, но по душе…
И вопрошал я: «Уж не это ли искомое,
Что вдруг рассыпалось, как сладкое драже?..»
И вот, над жаркою чугунной сковородкою
Случилась магия… – ну, чистая совсем…
Вы не поверите: залил всё это – водкою,
Ушёл в фантазию по белой полосе
И слился с городом, искал свои истории,

Шатал-расшатывал устои здешних мест,
Чтоб всё, как водится, закончилось застолием,
Не разглагольствуя, а так – в один присест.
А повсеместно правил вечер фиолетовый.
Иглою в небо – обескровленный костёл.
Но крест, светящийся рубиновым соцветием,
Над нами власти в этот вечер не обрёл…
Во тьме, за стенами «рабов», да за оградою,
В пустом безветрии, в отсутствии речей —
Ряды могильные с горящими лампадами
Да огонёчками мерцающих свечей.
Светились жёлтым фонари, огни дорожные,
Сродни листве, такой же яркой, как они…
И всё мне чудилось: случится невозможное…
О, что за чудо иногда побыть хмельным!..

2013 г. (Ку́усам Финляндия)

СТОКГОЛЬМ. СТАРЫЙ ГОРОД

В средневековых тёмных тупиках,
Обвязанных замшелым мокрым камнем,
Стыдливо жмутся по углам века,
Незримо, немо тайны излагая…
Но не понять о чём их шепоток,
И я, заворожённый их пространством,
Хватаю взором каждый завиток,
Но остаюсь при этом беспристрастным.
Здесь нашим дням особо места нет,
И, растворяясь до самозабвенья,
Плыву, как тень послушная, вослед
Сухим следам исчезнувших мгновений.

Умощены ладошки площадей:
Наждак подошв набил на них мозоли…
Внимая миру творческих людей,
И я хочу душе своей позволить
Под лёгкий дождь, дробящий по зонтам,
Таить стихи, мечтая о гастролях,
Желать блуждать, умышленно отстать
И не держать сознанье на контроле.

Листва умыта чистым янтарём,
Но на тепло скупа в Стокгольме осень,
И, белых луж разбрызгивая хром,

Мы, как листва, пылаем и… не мёрзнем…
Позеленевших бронзовых скульптур
По меньшей мере – рыцарское войско;
Глядит на них мальчишка, зол и хмур,
Не видя в них штампованности плоской…
Иной масштаб у творческих задач:
По возрастам даны нам впечатленья.
Воображай, рисуй, пока горяч,
И превращай в живое привиденья.

Объятый сказкой, тесный Гамла Стан,
Рождающий забавных персонажей,
Внутри твоих артерий опоздать
И не увидеть главного – нестрашно.
Миниатюрный город в пять семей;
Куда не глянь – одна сплошная сцена,
С которой обращаются ко мне
Актёры-призраки…
и… ветерок осенний.

Куда ведёшь меня ты, Гидеон,
Заплесневелым узким коридором
Под звон часов, под гулкий их «дин-дон»? —
На слово скуп, ты жив здесь по сю пору.
С тобой пройду я через караул
Блистательных гвардейцев возле пушек
В большой дворец влиятельных акул,
Чтоб их туфту масонскую послушать.
Я заблужусь, по залам проходя,

Забыв им счёт… Иллюзий не питая,
Поверю ль я, простите, господа,
В необходимость этакого зданья? —
В число картин, каминов и ковров,
Лепнин, мозаик, люстр и гобеленов
И праздный хор приезжих чудаков,
Переводящий значимое – в цены?

Я роль свою, как будто бы, учил,
Что не давалась долгими веками…
Шумит народ, главенствуют мечи,
Бумажный чин законы излагает,
Телеги грохот, рот чеканный шаг,
Кувшины вин, заманчивые взгляды,
Густая речь влюблённых парижан
И лхасских слуг оранжевое стадо.

Схожу, как Зевс, с парадного крыльца
По ступеням индийского гранита…
Но кто я здесь сейчас?.. Похоже, царь,
Решивший путешествовать без свиты…
……

Вооружён простым карандашом,
Изобразил старинный шведский город —
Поэт Сутоцкий, ныне вояжёр,
И ваш слуга, конечно же, покорный.

2011г. (Швеция, Стокгольм, о. Гамла Стан)

ДИФИРАМБ ВЕЛИЧАЙШЕМУ ПЛУТУ

Посвящается Франциско Гомесу де Кеведо

Мой дифирамб отчаянному плуту
Мадридских улиц тесных, как шкафы,
Заваленные грязным барахлом
Ростовщиков с овечьими носами.
Барочный дух сияет на ветру.
Порочный мир с повадками совы,
Где в чёрной капе всюду бродит зло,
Приветствует тебя! Толпа босая
Притворщиков, мошенников и скряг —
У ног твоих, идальго… Не робей!
Твоим умом пусть полнится мошна
И не бледнеет маска лицедея!
Да я и сам бы, честно говоря,
Лукавый труд поэмою воспев,
Последовал герою подражать,
Дурачить новоявленных злодеев…
А духота?.. Какая духота!!!
Слабеют крылья… Неба не достигнуть…
Льют яд аптекари, монахи с сатаной
Мычат псалмы и алчный альгвасил
Вершит судьбу тому, кому предстать

Перед судом за чтенье мудрой книги
Предрешено… Но где-то за стеной
Бросаешь ты, Plutonio, на весы
Всего лишь лесть под золотым плащом
И… дерзкий план несчастного спасает…
Где смерть и жизнь в колоде карт судьбы,
Где амбры дух туманом для обмана —
Там стыд не в счёт, коль строится расчёт
На обладанье власти в три касанья.
Но, прикоснувшись к ней, ужель забыл,
Кем был ты, друг? Притуплено вниманье.

Подвалы смерти, скупость факелов,
Плевки, насмешки, медленный палач…
А утром – плаха… Вот и докажи,
Что ты святой за дверью преисподней…
Но пара слов для камерных ослов
И золото эскудо – гнёт в калач…
Держи, герой, опорожни кувшин
Кастильского вина за юную свободу!
Пролей гитара звонкий «tarantas»!
Кружитесь, девы, в бисере «fandango»!
Узри, народ, приветствуй и воспой
Рождение погибшего героя!
Всё для тебя: мантильи, веера,
Дробь каблуков, красивая осанка…
Да не увидишь ты вовек препон
В искусстве плутовском, я вижу, кроме
Политики Двора, где ты, мой плут,

Не улизнёшь, лукавствуя, от пут.
Беги же в Индию, куда-нибудь беги…
Найдёшь везде ты их, чьи кошельки туги…

ШТОРА

За окном примитивным офортом
Замер день в первый снег. Не комфортно.
Даже люди и те неподвижны, —
В безмятежности снежной не слышны.
Первый снег, мокрый снег – до болезни, —
Нелюбезный, пустой, бесполезный
В грязном таянье. Солнцу покорный,
Глухо давится, чавкает город,
Бело-серое месиво месит…
Кто бы знал, как меня это бесит!
Этот воздух, сырой и тягучий,
Эти низко плывущие тучи,
Что, цепляясь за острые шпили,
Не просыпали снег, а пролили.
Укротить бы до лёгких морозов
Завоёванный вирусом воздух,
Чтобы выпорхнуть птицей-синицей,
Синий иней поймав на ресницы.
Подчиниться, смириться, остаться,
Через силу смотреть-наслаждаться
И искать в грязном заверте снега
Не пленённого им человека…
Не найти. Но в руке моей – штора.
Принимаю решение скоро:
Ра-а-аз – и то, что меня раздражало,

Как в театре – за шторой пропало.

В КОНЦЕ ИСТОРИИ МИРОВ

Не парадокс ли – осужденьем
Живут людские племена,
Кипя взбесившимся твореньем,
Все времена подняв со дна!..
И в том немало постаравшись,
Предав завещанный огонь,
Им всё равно, когда укажет
Жреца холодная ладонь
Сойти на нет, и в этом действе
Свечей, ножей и черепов
Похоронить, изжить в злодействе
Святую правь священных слов.
Не парадокс ли, что ловушка
(нецеломудренный фантом)
Вгоняет в стопор наши души,
Чтоб сбросить в пропасть их потом?
В несостоятельности плоти,
В неотвратимости пути
Мы опускаемся на взлёте,
Срывая крылья… Впереди —
Обман, верстающийся в купе
С астрономическим числом,
И раб, послушествуя тупо,
Во тьме вальсирует со злом.
Не парадокс ли – утверждаться

Вне неисследованных тел,
С Землёй-кормилицей не знаться,
Листая мысли, да не те,
И всё желать обогащенья,
Обогащению молясь
До слепоты, до извращенья,
С башкой влезая в эту грязь?
Чего хотим мы этим бунтом?
Но прост ответ и что таить:
Мы выбираем смерть, как будто
Иному выходу не быть.

В ОТСТРАНЁННОМ ОЖИДАНИИ

Ах, если б мог я знать, что мучает меня
И не даёт уснуть безлунными ночами,
Когда на частый пульс ничто не отвечает…
И я плыву сквозь тьму рассеянного сна.
Так что же эту боль понять мне не даёт,
Как будто новый круг я начал вхолостую,
Инертно, про себя, поставив запятую?..
А под ногами – лёд, холодный, синий лёд.
Пресна мне эта жизнь под сладким порошком,
Где пойманный народ задействован в массовке,
Где приторно манят дешёвые уловки
Богатых рыбаков… И мчатся на прикорм
Голодные мальки. Как тошно среди них
Обманутым считать себя!.. Чего же ради
Я буду рвать кошель за кислые оладьи,
Что странный лаборант в съестное превратил?
Ах, если б мог я знать примерный эпилог
Сценарию зимы, где мгла, по сути – прима?
И хочется сказать, да всё куда-то мимо…
И вязок и несмел немелодичный слог.
Всё жду в пурге: авось, придёт, не опоздав
Последний мой трамвай, что, вынырнув бесстрашно
Из-за угла дворца с тяжёлым нервным кашлем,
Перенесёт меня в святое Никогда…

ИЗ ПИТЕРСКОЙ ТЕТРАДИ

Ищу, не чуда ли в балтийских сквозняках,
Где коридоры не теснят клаустрофоба?
Спешу в места, где так привыкли извлекать
Себя из прошлого знакомые особы.
Ищу занятия не свойственные мне:
Не развлечения, а – вроде созерцанья… —
Сродни Антаресу, что в утренней Неве
Из непроявленного льёт своё мерцанье.
……
…не замечать бурлящих дерзких масс
И против них шагать неторопливо…
И раскрываться в чувствах каждый раз,
Вдыхая снежность Финского залива…
Но почему? Откуда этот зов,
Такой чужой и странный, на Обводном,
Где бродит прайд слепых пудожских львов
В ночную бель обмануто голодных.
Медитатив: ладошками – мосты…
Но шум сансары не освобождает…
И множит страсть торговые ряды
Под литургию Великобритании.
О, град оград, насмешлива и зла
Ко мне твоих дворцов архитектура!..
Но колет в сердце памяти игла,
Когда стою пред Бронзовой Фигурой.

Иль впрямь пленён тобой я, классицизм,
Что с камнем управляешься, как с глиной?
Куда ни глянь, бегут во все концы
Твоих высот дворцовые витрины.
И где ж там я, забредший погостить
Да полетать по Невскому с ветрами
И, как всегда, под рюмку… не простить
Царя Петра за буйный темперамент.
Минуя лето, мчит меня метро…
Лишь головная боль на переходах…
Стекло, бетон, металл, пластмасс и хром
В одну черту петлёй… Прощай, свобода…
…….

…стою у края мутной глубины…
Дорисовать? – но… дождь и… акварели

Текут с листа, уродуя, как сны,
Фрагмент манежа Джакомо…
Кваренги.

ОГОНЬ РЯБИН

Расчёсывая волосы седые,
Тяжёлый взгляд роняя в пустоту,
Поёт метель и ждёт, когда остынет
Огонь рябин в заснеженном саду.
Она к нему – хрустальными руками,
Она к нему – заиндевевшим ртом…
Но не свести бордовое мельканье
Скупой палитрой. Думая о том,
Она слабеет, прячется в сугробы,
Чтоб с новой страстью взвиться к небесам…
Да только тот огонь рябин особый
И сколь ему гореть – он знает сам.
Не верьте, птицы, голоду и стуже,
И алый сок не даст вас обмануть
Средь лютых зим, когда так сильно нужен
Огонь рябин, который не задуть.

БЕССЛАВНЫЙ МЕЧ БАГЕТА*

Куда вы с вопросами, глупые дяди,
Ведь он лакировщик и всякий изъян
Уклончиво, вёртко с улыбкой загладит,
Да так, что вы снова с ним будете «за»…
Насилу втащили мешок аргументов
Вы в студию эту, чтоб нас отстоять.
Но все аргументы исчезли моментом,
Как только он «так» соизволил сказать.
Хотели с нажимом своих репутаций,
Да скоро ослабли и ссохлись в изюм.
Обидно: не дали козлам пободаться
И в споре пустить голубую слезу.
Ужель замолчали? Ужель вы согласны?
И стоила ль схватка эфира на час?
Жонглировать правдой и вправду опасно, —
Особенно, если используют вас.

**мифический меч, созданный из булки, который можно только съесть.*

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Он рад тому, что приобрёл квартиру,
Раздельных комнат свет и пустоту,
Где на квадратах купленного мира
Опустошить готовится мечту
Бесцветный быт. Таинственные смыслы
Мегазатрат, надежд и перемен
Быт обнулит и ноль сожрёт все числа,
Пятнадцать лет вместив в один момент.
Но это будет, всё ж таки, нескоро,
И под наплывом творческих страстей
Он верит в ночь и с дьявольским упором
Рисует план по сносу старых стен.
Он ждёт и ждёт итоговую сцену,
Когда хозяйка бывшая вручит
Ему ключи с печалью на лице и,
Слегка смутясь, о прошлом помолчит.
Она ему, конечно, не расскажет…
А стены помнят, ревностью полны,
И не скрипят, обидевшись, протяжно
Иллитератным образом полы.
Второй этаж, балкон, зелёный дворик…
Прожив полвека, есть ещё на жизнь…
Но оптимизм – притворщик и затворник.
…и тяжелы в ступеньках этажи.
Душа – душой, а телу без уюта —

Не по себе. Да здравствует ремонт!
И лишь под утро, время перепутав,
Мой друг уснул, умаялся… И вот,
Случился вечер: «добрая» соседка,
В «глазок» увидев нового жильца,
Открыла дверь и… тайну: «Слушай, детка,
В твоей квартире, помню, от шприца
Скончалась девка. Суки наркоманы!
И эта, што те хату продала —
Бухлей бухла… От ейных тараканов
Я все обои в доме порвала!..
А год назад тут был такой малинник,
Что хоть святых из дома выноси:
Туда-сюда, бандиты да мальвины…
А што зачем – поди-ка расспроси…»

На то жилец, как будто удивившись,
Скурив «полприма» в яркий огонёк,
Хотел ответить, думал, но… не вышло.
И лишь кивнул под медленный дымок.

ШТУРМ

Над гремяще-лязгающим шумом
Зло горит кровавый небосвод.
Третий день отчаяннейшим штурмом
Осаждает город инород.
В тесноте шлифуются доспехи,
Равнодушно золотом горя,
И трещат, как грецкие орехи,
Под взбуду меча и топора.
Словно оспой ядра боевые
Крепостные стены обошли.
Третий день в разгаре не остынут
Страшных сил отважные мужи.
Паутина лестниц, на которых
Копошатся мухами тела,
В скорый день, к стыдейшему позору,
Толщу стен удушьем обвила.
И кипящей смолью не забрызгать,
И блокадой враз не перекрыть…
Был бы мир, да мир из сердца изгнан…
Нетерпенья копии остры.
Меркнет свет в кудлатых чёрных тучах.
Быстрый ветр – помощником стреле,
Что пустил оскалившийся лучник
С огневой печатью на челе.
Не слабеет кровью обагрённый

Третий день беснующийся бой,
Несмотря на то, что оборону
Держит старость, жертвуя собой.
Кабы знал налёгший неприятель,
Что в стенах воюют старики —
Изошёл б на тысячи проклятий,
Ведь с такими биться – не с руки…
Но теперь, геройствуя в нажиме,
Рушит с рёвом наземь ворота
И вбегает в крепость одержимо
По телам погибшим, сволота…
……

Никого в живых он там не встретил,
Кроме крыс, да ведьмы в голубом…
Замер враг. И только стылый ветер
Бил на башне в колокол – «бом! бом! бом…»

ПАМЯТИ РИЧИ

Кажись, игрив он был с рожденья,
Собачьей радостью дыша.
Мохнатым рыжим привиденьем
Носилась по полю душа.
Вдогон резиновым игрушкам,
Камням, дощечкам, бегал он,
Лишь высоко взлетали уши
Его, – особенно под склон,
Куда он нёсся беззаботный,
Что сил пронзительно крича…
Предельно чувствуя свободу,
Совсем не знал он, как рычать.
Но тьма к свободе нетерпима,
Подстерегая тут и там.
И вот однажды на тропинке,
Его настигла слепота.
Другой бы сдал, скулил и мордой
Искал хозяина ладонь…
А этот вновь легко и гордо
Носился по′ полю, как конь.
Что, разве запахи забыты?..
Нет. Абсолютно острый нюх
Не выдавал в нём инвалида
Средь расхрабрившихся лягух.
И, улыбаясь, нас приметив,

Игрун размахивал хвостом…
Ты приглядись: ну, чем не дети
Нам братья младшие? Никто
Существ доверчивей не знает.
И, к счастью, рыжий не из тех,
Кого щенком на цепь сажают,
Готовя к бою для утех.
Легко ль поверить?.. и возможно ль?..
И память всё ещё горька,
С тех пор, когда ему под кожу
Влетели пули в три хлопка…
Но через боль ему хотелось
Бежать,… да лапы тяжелы…
И… через миг собачье тело…
Накрыли… травы-ковыли.

И по сей день никто не знает
Владельца выпущенных пуль.
…….

…а пёс бежит, и в звонком лае
Не слышит близкую стрельбу…
Ужель возникнет из-за горки,
Решив, как раньше, поиграть?..
Но – никого… Минуты долги…
И слёз уже не удержать…

С ПРИЗНАНИЕМ В ЛЮБВИ ИЗ КОЧЕГАРКИ

Люблю зимой киркою помахать,
Откалывая ею мёрзлый уголь,
Когда всю ночь под «минус сорок пять»
И на полтонны тачка катит туго.
Люблю, когда привозят концентрат,
Кой не горит, а дразнит понемногу,
Да так, что в час до тысячи лопат
По двум печам рассеиваю строго.
Люблю, когда какой-нибудь эксцесс,
А рядом только глупая собака
Да семь котлов, запущенных в процесс,
В которых десять тонн золы и шлака.
Люблю всю ночь гонять по цеху крыс,
Кормя их на убой вкуснейшим ядом,
Чтоб не уснуть и чтоб меня не сгрыз
Главарь-пасюк, что кружит где-то рядом.
Ещё люблю я в боров залезать
И задыхаться, жарясь над золою,
И ту золу оттуда извлекать
На сквозняке под гулкою трубою.
Люблю, когда зарплаты не дают,
Но семь журналов стопкой – к заполненью…
Внушили нам, что наш бесплатный труд

Совсем ещё не повод к увольненью.
И не беда, что уголь на-гора
Лежит без дела где-то на Урале…
С кайлом в руках, в морозные ветра,
На прикотельной мы наковыряли
Его пять тонн, с землёй напополам,
Прошедшей ночью, – сдохли, но дожали,
Что даже водка вечером не шла
И рюмки в пальцах плыли и дрожали.
Люблю домой с больною головой
И жутким кашлем утречком являться,
А после душа, в спальню, на покой,
Во тьме по стенке тупо пробираться,
Чтоб не спугнуть британского кота,
Что, как сова, не доверяет свету.
Люблю стоять и греться у котла,
Сжигая в топке фантик от конфеты.

Привило мне правительство геном
Любви к тому, что тупо и нелепо.
И я с любовью думаю о том,
Не видя жизнь вне этого вертепа.
Ещё чуть-чуть – и буду я любить
Не жизнь, а смерть, сводя себя в могилу…
Ну а пока мне б смену оттопить
И до утра с лопатою не сгинуть…

В ПЕТЛЕ БЕЗВОЛИЯ

Ночь слепо шарит за окном, но не найдёт…
Глаза таращит на огонь, огня – не видит,
Где в дальней комнате лежит и не встаёт
Носитель жарко обжигающей обиды.
О той обиде он страшится говорить.
Его гнетёт в застывшей тьме поступок труса.
А в кулаке зажатый камень-лазурит
Подобно серому граниту – безыскусен.
Ах, сколько их, депрессионных чудаков,
С петлёй на шее и рецептами в кармане,
Всё ждут, когда же выходить из берегов
Начнёт река с больной мечтой об океане.
Разрушен мост в последний миг и… страшен брод;
Не верит Стикс пустым слезам и верхним нотам.
И вены рвёт, ломая ритм, кровавый лёд
От слов несчастного, сходящего на взлёте.
Но в вязком тиканье дождётся ль он утра,
Коль прикипела к циферблату часовая?
А между тем, в ночи возникшая дыра
Уже растёт и потихоньку пожирает…
Да только кто ж его толкает больно в бок,
Как будто выпихнуть пытается из ямы?
Не признавая, что ослабший изнемог,
Его он ставит, как-то на′ ноги, упрямый…

В углу испуганно откликнулась струна,
Забрякал дождик…
и рояль карниза о′жил,…
Всё для того, чтоб доказать, таща со дна,
Что время есть и жизнь наладится…
О, боже!..

…ЗА КРАСОЙ НЕДОСЯГАЕМОЙ

На пороге мира сонного,
Что пред зорями-зарницами,
Так тревожно и особенно,
Словно пред берестяницею.
Кто прочтёт – тому утроится,
Улыбнётся тайна тайная,
Зазвучит, в мехах раскроется
Золотая даль баянная.
Белокрылой Стратим-Птицею,
С лёгкой кисточки художника,
Встанет солнышко светиться нам
На бестучьи, после дождика.
Синей тропкой окаёмною
В поле, ветром подгоняемый,
Босиком шагну влекомый я
За красой непостигаемой.
В разнотравной необъятности
Отойду от сна и дрёма я.
Эх, душа, кричи от радости!..
Эх ты, тропочка ведомая!
Испужаюсь ли болотин я,
Да под рык мохнатых баловней,
Еж ли это моя Родина,
Кладовая солнца алого?..
Пой мне, бело-голубая ты,

Всё былины да сказания,
Чтоб не стёрлись в нашей памяти
Славных предков наказания!

…отлучают нас от солнышка
Ворожбою да хворобою…
Раздувает нас, беспомощных,
Лютый Стрибог… Взяты злобою,
Мы летим на острозубые
Скалы, где волна подъятая
Всё шумит, не зная убыли,
Разбиваясь на проклятия.

По′лно, тянут нас открытия,
Словари абецедария!..
Не совсем сошли мы, видимо,
С Коловрата, дети ариев…
Не совсем ещё отрезаны
Наши корни православные,
Коли рунами да резами
Беспокоят нас послания;
Беспокоют нас и мучают,
Не дают расстаться с Родиной —
До Любви, до неразлучия…

Знать, ещё она не пройдена,
Наша русская дороженька…

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ И ХВОЙНЫЕ ЛАПЫ

Мы вспомнили чудом с тобою о ёлке,
О бусах стеклянных, что где-то в шкафу,
В делах и заботах мотаясь без толку…
В кого превратил нас столичный тайфун!..
Нет,…
не впечатляет спектакль «С Новым Годом!»…
И в пироэффектах – ни сказок, ни тайн…
Душе ль человека, иль дате в угоду,
Вульгарной особой предстала мечта?
Уйдёт незаметно, обманно растает,
Подобно экстракту в драже «BonParis»,
Ещё один миг… И, шутя, долистает
Тринадцатый год Седовласый Старик.
Жаль, мы не увидим в глазах шоуменов,
Продажных актёров и прочих кривляк,
Всему показному живую замену…
Но было ль на свете когда-нибудь так?..
А может, и было, кто знает… Но это
Халтурное действо с купюрой за вход
Меня раздражает, как жаркое лето,
Где лишь в холодильниках прячется лёд.
Ну, что за резон нам грустить в это время,
Коль греет нас памяти давняя даль,

Что, к счастью, безбрежна, светла и не бренна…
Так, может, на время заглянем туда?..
Так, может быть, выпьем за давнюю радость,
За детскую радость, за сказку зимы,
Что прятали мамы под ёлку когда-то,
Чтоб счастливы были в той радости мы!..
И хочется снова с волною внезапной
Ворваться в прошедшее…
Вот так дела-а-а!..
Стеклянные бусы и хвойные лапы,
Как будто из детства глядят из угла…

ВАТИКАН

Слуги Кротости с при′щуром глаз,
Счётом чёток, чьи зёрна – века,
Что таите вы, бесы, от нас
В семибуквии зла – «ВАТИКАН»?
В «дезинфекции» ваших молитв
Чую, как зарождается страх…
Где твой дух, венценосный пиит,
Вместо слов выдыхающий прах?
Кто брезглив до лукавых святош,
До остриженных медных голов,
Где растёт монотонная ложь
Для прислужливой паствы ослов?..
Кто брезглив до барбетов, чепцов,
До бескровых ладошек мирян
Пред светящимся в муках Лицом,
Истекающим кровью от ран?
Незаметная тонкая сеть
Чёрным страхом опутала мир, —
Мир, в котором должны умереть
В иступляющих буквах семи
Все, кто жадно вдыхает Огонь,
Обнимая Высокую Синь
Златокудрых Арийских Богов,
Не нуждаясь в страданьях мессий.
Что ж тревожит меня из дали′

Наших Солнечных Гиперборей
Этот дьявольски мертвенный клир
В затянувшейся подлой игре?
Уж не ключ ли от правды хранят
Сундуков золотые замки,
Чтобы знать не могли мы, кто свят
В этом мире судов и могил?..
Дабы скрыть на века, навсегда,
Кто откуда пришёл и… зачем
Он, крыла на кресте распластав,
Стал Звездой иудейских ночей.
……

В зале воска и плачущих пап
Распахнуть мне охота окно,
Чтоб в присутствии их не проспать,
Не уйти экзорцистом на дно…
Но последний блаженный урод,
Что викарием кто-то назвал,
Только чёрный базальт признаёт,
Чтобы мрак его папство не смял.
И средь блеюще-воющих масс,
Пред балконом сиятельных лиц,
Вот уж вижу, как кто-то из нас
Омерзительно падает ниц…
Запретишь ли? Но мы не из тех
И,… сжимая гранёный стакан,
Пьём за то, чтоб скорей опустел
Град обмана и зла – Ватикан!

ОСЕННИЙ МАДРИГАЛ №13
к Натали

Мы шли с тобой наедине
Аллеей парка ранним утром,
И ты рассказывала мне
Про медведе́й, гонявших уток,
Про сосны, что до облаков,
Про облака, что в кронах сосен…
И в ровном шорохе шагов
Под ноги нам ложилась осень.
И свет, и прель, и холодок —
Флакон духов от Златолиста…
И этот ток, ладонь в ладонь —
Борт корабля, задевший пристань.
И… я всё думал о тебе:
То глубоко, то отвлечённо…
И всё сказать хотел, робел,
Как тот пацан перед девчонкой…
Но… не сказал… Найдёшь ли вдруг
Слова такие, и в молчанье
Я был не «я». А сердца стук —
Не веток плавное качанье.
А вниз по соснам, с облаков,
Струясь оранжевым свеченьем,
Лился́ рассвет и так легко

Смывал с меня мои мученья,
Что я невольно перебил
Тебя на слове и… бесстрашно…
В объятья тайну заключил,
В любви, как в вечности пропавший.

НЕ ВЕРЯ В СМЕРТЬ

Она всё ждёт, заламывая руки,
И с мыса Горн зовёт погибших чад,
Седой старухой сделавшись в недуге.
И вместе с нею – птицы голосят.
Кипит волна и брызжет жёлтой пеной,
Играя всеми мускулами вод…
Кто будет ждать от волн успокоенья
В жестокий шторм? А женщина всё ждёт…
Пойди-верни… Судёнышко – в три щепки…
Лишь муть со дна да серый блеск акул…
Могли бы жить… Но как её избегнуть,
Размытый след оставив на бегу?..
Ещё вчера в котле варилась рыба,
Сушились сети в лунной белизне…
Не изменить, однажды сделав выбор,
Судьбу людей, исчезнувших на дне.
Она всё ждёт, не веря зверю моря:
На сердце – боль, а в голосе – металл,
И с мыса Горн, как будто с мыса Горя,
Встречает в крик волну «девятый вал».

НАЛОГ НА ПРАВО ЖИТЬ

В череде беспокойных лет
Мы себя изживаем, будто
Нам не в радость земная жизнь,
Где мы вынуждены играть
Кем-то выдуманный сюжет,
Выдаваемый нам за чудо…
Кто же он, что за нас решил
Воплощать и высвобождать?..

Недовольствующих – в расход.
Суицид – лотерея смерти.
Кто там ропщет в углу, когда
Нам завещано постигать?..
Но хрустит под ногами лёд
И порывом толкает ветер
К полынье, где дрожит вода
В нетерпенье тебя забрать…

Ты явился на свет? – полбеды.
Без налога на право роли,
Ты достоин лишь хомута
В табуне молодых коней.
Расплатись-ка за зло, за дым
Гениальностью алой крови,
Пред глазами Небес представ,

Посреди четырёх огней.

Где же тот, кто решил за нас,
Строго требуя исполненья?..
Против воли не будешь мил,
Потому что на сердце – боль…
А, по-моему, шлем – как раз,
Чтоб опять победить в сраженье,
Доказать, не теряя сил,
Что готов ты на бой.

Для чего, не пойму никак,
Столько глупых рождений,
Столько странных примет?.. – уход
Неоправданно скор…
Почему за спиной старика,
Неотступно, послушной тенью,
Ходит смерть его, не даёт
Выиграть старому спор?..

Без налога на право жить
Мы не можем на этом свете,
Даже если сюда пришли
Не по собственной воле, но
Взять, уйти, самому решить
Вслед за шлейфом огня кометы,
Сделав шаг по углям Любви —
ИС-КЛЮ-ЧЕ-НО…

МОЙ ОТВЕТ ДРАМАТУРГАМ ТЕРАКТОВ

Правонаследники масонских лож,
Клиенты лучших мистиков планеты,
Ваш групповой портрет из постных рож
С начал не знает солнечного света.
Как крысы вы, в зашторенных дворцах,
Вершите суд, вынюхивая жертву,
И, не боясь сей ужас отрицать,
Потворствуете новому сюжету.
В своих кругах, с колодой карт в руках,
За строй нулей играете народом,
Чтоб тот во лжи, не распознав врага,
Загнал себя шестёрками в колоду…

Со всех сторон крича до хрипоты,
Внушают нам блюстительные дяди
Пути спасенья, выставив кресты,
Шагая к нам при всём своём параде
С одною просьбой – «сдаться и принять…
В непротивленьи злу и всепрощеньи…»,
Чтоб несогласных с лёгкостью предать
На скору смерть, лишив их чувства мщенья.
С синюшных губ слетает – «Напугать!..»
Но… свет свечей не дрогнул… Из затакта…

Погибли люди? Сколько? Тридцать пять?..
Как хорошо за ширмою теракта!..
Неуловим невидимый злодей.
И шахи нескончаемых шахидов,
Кроя ислам, воюют всё сильней
На кабинет «надмирных фаворитов».
Ужель ислам на службе этих псов,
Что рад отдать себя на истязанье?..
Иль груз двух чаш космических весов
(любви и зла) подпрыгнул над весами?
А в кулуарах – ставленников рать,
Чья власть дана им, хрупкая, на время,
Торопится местечко подсказать,
Чтобы процесс прибавил ускоренья.

…и новой болью дрогнул Солнца град.
Погибли дети. Свежая страница…
В кровавый список смерти всех подряд
Уже заносят смуглые убийцы.
Всё ради слов, что прочитал раввин
В заветной книге в полночь, под луною…
Открой глаза, прозрей, Иисус Навин:
Твой правый бог зовётся – сатаною!..
Но не откроет Солнцу он глаза
И Новый Город, кровью истекая,
В себя впускает алчущих хазар…
Стоп! Кто они? Откуда возникают
Хазары те? Коварством ли своим
Ведут дорогу избранным на царство?

…но лжи предел положит Аркаим,
Сияющий от нас веков так за′ сто.
В нём Правды Свет! Останутся ль ещё
Мечты изжить прославленную расу?

…обманных дней покой наш напряжён,
Где правит смерть лукаво и негласно.
……

…а в шепотке противных голосов,
Вокруг сукна холодного овала,
Готовят список новых адресов
Для девяти услужливых вассалов.

РОМАНС О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

Полсотни лет – долой. Иль врёт скупая память,
Бросая мне в хрусталь с десяток «золотых»,
Невидимым песком бесследно засыпая
Бессмысленных затей вчерашние следы?
Потерянные дни, вы прожиты не мною…
Как будто не со мной стучал ваш метроном.
И как не сожалеть, коль скоро за спиною
Окажется она в мгновении одном
До мутной глубины, случайных вспышек света
И выцветших времён, заветных и родных…
Была-текла Любовь разливом всепланетным…
И вот остался дым, лишь дым от той весны.
Крутись калейдоскоп!.. Как много комбинаций!..
Откуда и куда – вовек не разберёшь…
Полсотни лет долой!.. – а нечем любоваться…
И ты готовишь клей с густым названьем – «ложь».
Безвольны мы менять устои и порядки,
Маршруты и слова, что требуют от нас.
И так сидим, растём, как овощи на грядке,
Пока Великий Маг не скажет: в самый раз…
Устав от болтовни и частых сожалений,
В желании догнать последний свой вагон,
Я вынужден признать задачу без решений,

А ведь когда-то мог пойти и на обгон…
Полсотни лет – долой. И зеркало не скроет
Слегка печальных глаз. Не веря тем глазам,
Не веря в то, что жизнь была, увы, игрою,
Я открываю рот, но… нечего сказать.

СТУДЕНЧЕСКОЕ НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

О, сколь бесчисленны и ярки варианты
Поры студенческой!.. Почти как бриллианты
Они сверкают, обольщая… Вспоминая,…
Мы от себя порой чуть-чуть заболеваем.
Ну как, скажите, можно жить и не бояться,
На грани пропасти учиться и влюбляться,
Когда судьбу твою решала цифра в клетке
С невыразительным названием – «отметка»?
Смешно подумать, чем питались мы в ту пору.
Но все подгребки уплетались дружным хором;
В бессчётных вылазках, по капле и по крошке,
Мы извлекали их со дна «прозрачной» ложкой.
А будним утром, через лень и через голод,
Мы шли учиться, холодок ловя за ворот…
Но вязли мысли, убаюканные снами…
Да будь он проклят этот завтрашний экзамен!
Импровизируя, мы врали педагогам,
Клялись последнею инстанциею, богом…
А если к совести потом нас призывали,
Мы признавались в том, что подразумевали
Под этим богом: то ли Индру, то ли Шиву…
И, да простят нас Боги, было нам паршиво.
А вечерами расцветала не напрасно,

Общага с тысячами маленьких соблазнов,
Где нам хотелось утверждаться в самомненьи,
Но… почему-то в алкогольном опьяненьи.
Вулкан фантазии!.. – о, как он извергался!..
И в том особенно никто не напрягался.
И даже в классах института, к возраженью
Учителей, мы не сдавались положенью.
Мы были молоды и глупы, до безумства…
И вот сейчас без этой глупости нам – пусто.
И вот сейчас без этой ветреной свободы
Уныньем полнятся…
оставшиеся годы.
И… снова тянет…
разыграть и приукрасить,
До «нулевого» под «new wave» покерогазить,
Гулять всю ночь по листопадным переулкам,
Самозабвенно отдаваясь тем прогулкам,
Сдаваться случаю, мечтать пред строгим взором
И по неведенью…
не чувствовать позора.
Уплыли-сгинули за горы облаками
Миры студенчества с неровными стихами…
И по прошествии – прочесть я их не смею,
Поскольку мыслить так уж больше не умею.

ГИТАРКА

В большой коробке из картона,
У бака, с горем пополам,
Над массой кукольного лома
Гитарка бедная ждала,
Когда её заметит кто-то,
Собой согрев среди зимы,
И, может быть, подарит ноты,
Да шесть нейлоновых взаймы.
Росточком маленькое диво
Едва вмещалось в полуметр.
И я б прошёл, наверно, мимо,
Не предложив ангажемент
Моей изящной незнакомке,
Превозмогающей мороз,
Что в деку ей вонзил иголки,
Деконструируя всерьёз…
Довольно быть в руках злодея!
С гитарой будучи на «ты»,
Отдать не мог её беде я
Среди зимы и темноты.
Ах, знаю я, всё в мире бренно…
Но, не желая умолкать,
Через обман, через измену,
Была настроена звучать
Гитарка та… Лучом приветным,

Что лак её мне отразил,
Она дала мне знать об этом
Буквально из последних сил.
И невесомую, легонько,
Я в руки взял, и тут она
Отозвалась струною тонкой…
(одна осталась в ней струна).
«Вполне изящное творенье,
Кто мастер твой, скажи-напой?..»
И вмиг, исправив положенье,
Гитарку ту я взял с собой.
С тех пор прошло годов немало,
Но в трудный час и в час беды
Она не раз меня спасала,
Звуча на разные лады.
И вот сейчас, когда, не скрою,
Тоской наполнена душа,

Я на романс её настроил
И из затакта, не спеша…

ФАЛЬСТАФИЯ

Училась петь, но петь не научилась,
В струю попав однажды по звонку.
И что случилось, то уже случилось…
Велик соблазн, раз девушка в соку.
Орать и «гхыкать»? – что же, это ново…
Тут от Пиаф, а там – от клоунесс…
Но самобытность (творчества основа),
Ей, по всему, была – не в интерес.
Подобных прим немало по общагам
На трёх блатных ломало маникюр…
Но поп-звезда талантам не прощала
И уходила зло на перекур.
Нужны Олимпу боги в балахонах,
А феминизму – псевдохрипота,
Признанье, слава, крики на балконах…
И бесталанность?.. Экая беда.
Теперь у старой куклы безголосой
Под жирным задом – платиновый трон,
И, как всегда, для прессы ретро-позы
Да вялый хрип в колючий микрофон.
Что, хочешь ты ей лестненькое выдать,
Отвоевав для песни пять минут?..
Ну, снизойдёт, произведя свой выдох…
Ну, даст на чай… А воз и ныне тут.
И как не вспомнить: «Моцарт и Сальери»…

Какая зависть, Господи прости!..
Талант – не форма, метром не измерить,
Чтоб гениальность-суку обрести.

НА ВЗЛЁТЕ В НЕИЗВЕСТНОЕ…

Опять «дель арте»?.. Кем же сей спектакль
Затеян был, коль нас ведут асуры
И с грустью вслед нам смотрят праотцы?
Не оттого ль, что пала высота
Людей Земли, чью жизнь с пелён босую
Питали Неба звёздные сосцы?

Тогда откуда яд и столько зла?
Чем отравились мы за это время,
Живя вразброс на разных островах?
Но вновь и вновь с ракетного стола
Уходит в бездну жаждущее племя,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.